

Глава 14

Тяжёлые своды башни, безмолвный снегопад.

Гу Тин стоял внутри, Цзян Муюнь — снаружи. По одну сторону — яркий свет, по другую — густая тень. Дверной проём, словно граница, разделял два мира, прошлую и нынешнюю жизнь.

Цзян Муюнь был всё таким же, нет, даже моложе, чем в его воспоминаниях. Изящные черты лица, мягкий взгляд, осанка благородного мужа, в которой сочетались грация сосны и бамбука, аромат сливы и орхидеи. Он был утончён до мозга костей. Какой молодой господин не задержит на нём взгляд, кто не захочет стать его другом?

Увы, «красота — лишь прах», «знаешь лицо, но не знаешь сердца» — эти истины люди, включая его самого, так легко забывают.

Снег в Цзююане был слишком холодным, и Гу Тин почувствовал, как его пробирает дрожь.

Он слегка напрягся, его взгляд из мрачного стал насмешливым, полным самоиронии, но ещё больше — настороженности и готовности к обороне. Эта внутренняя перемена осталась незамеченной для других, но не для Хо Яня, стоявшего рядом. Он слегка вскинул бровь и бросил взгляд на Цзян Муюня.

Цзян Муюнь на мгновение замер, тоже удивлённый. Он никак не ожидал увидеть здесь Гу Тина, встретиться с ним в такой момент. Но он быстро овладел собой. На его лице отразились беспокойство, забота и облегчение от того, что он наконец нашёл его.

— Брат Тин... как ты здесь оказался?

От этого обращения у Гу Тина по спине побежали мурашки.

— А тебе какое дело? — огрызнулся он.

Рука Цзян Муюня, протянутая к нему, застыла в воздухе. Улыбка и нежность в глазах ещё не угасли, но в голосе прозвучала нотка печали.

— Прости мою бестактность.

Он тут же опустил руку. Его взгляд стал ещё нежнее, улыбка — ещё теплее, ни тени смущения или неловкости. Он был похож на заботливого и всепрощающего старшего брата.

— Но ты один, я волнуюсь за тебя. Как бы ни был хорош мир за стенами дома, он не заменит

семейного тепла. Помнишь охотника Те? Он знает, что ты любишь вяленое мясо, которое готовит его жена, и каждый год в это время присылает его. А замороженную хурму уже достали из хранилища. Я видел её перед тем, как её убрали — вся крупная, круглая, твоего любимого цвета. Лёд на садовом пруду замёрз толстым слоем, и никто не смеет его трогать, потому что зимой только ты ловишь там рыбу. И та ветка сливы... все они ждут тебя.

Эти слова создавали яркие образы, полные нежности и тепла ушедших дней, словно в метель ты набрёл на очаг. Они согревали до глубины души и манили вернуться.

Особенно слова «та ветка сливы». Он описал всё в деталях, но почему-то о сливовой ветке не сказал ничего конкретного. Словно и не нужно было никаких подсказок, словно при этих словах в памяти сам собой всплывал нужный образ.

Словно это было что-то очень личное, понятное лишь Гу Тину.

Словно, когда Гу Тин делал всё это, рядом с ним всегда стоял человек, который с нежностью и теплом во взгляде потакал его капризам, поощрял его причуды, разделял его шалости, никогда не сводя с него заботливых глаз.

«Та ветка сливы ждёт тебя» означало не сливу, а...

«Я под той сливой жду тебя».

«Я скучаю по той сливе и по тебе».

Как тонко и изысканно. Вроде бы ничего не сказано, а на самом деле сказано всё.

Гу Тина едва не стошнило.

Этот человек был всё таким же мастером своего дела. Прошлые события, скрытый смысл слов — другие, может, и не поняли бы, но он-то знал всё слишком хорошо. В прошлой жизни Цзян Муюнь именно такими речами и водил его за нос, заставляя верить в их взаимную любовь, в то, что они могут доверить друг другу жизнь. Он заставил его ради себя и жизнью рискнуть.

И не только его. Своей двусмысленной нежностью Цзян Муюнь соблазнил многих. Те же самые слова он, не меняя ни буквы, мог сказать и другому. Он думал, что он особенный. Все, кого обманул Цзян Муюнь, думали, что они особенные...

Впрочем, слово «особенные» было не совсем неверным. Все они были либо из знатных и богатых семей, либо сами умны и талантливы, обладали какими-то выдающимися способностями. На обычных людей Цзян Муюнь не тратил времени.

Сеть связей, сплетённая из «нежности», принесла Цзян Муюню немало выгод. Чаще всего ему даже не нужно было просить напрямую. Достаточно было лишь изобразить печаль, озабоченность какой-то проблемой, и люди сами бросались ему на помощь.

Размышляя об этом, Гу Тин вдруг задался вопросом. Цзян Муюнь не был глупцом. В прошлой жизни он дослужился до поста министра чинов, был самым доверенным учеником канцлера, которому тот собирался передать свои дела. Он участвовал во всех государственных делах и в конце концов смог влиять на всю политическую арену. Одним лишь соблазнением такого не добьёшься. Чтобы достичь таких высот, Цзян Муюнь должен был быть дальновидным стратегом. Если он так искусен в интригах, зачем ему было прибегать к соблазнению? Неужели это был самый простой, дешёвый и быстрый способ получить выгоду?

Но хватит. Он был глупцом целую жизнь, больше он этой ошибки не повторит.

— Почему я люблю вяленое мясо, а не оленину, почему люблю хурму, а не груши и апельсины, почему мне приходится ловить рыбу в проруби, а не просить её на кухне... — Гу Тин усмехнулся. — Другие, может, и не знают, но ты-то разве не знаешь?

Каково живётся в доме униженному бастарду — кто может это по-настоящему понять?

Гу Тин шагнул вперёд, в его глазах читалось глубокое отвращение.

— Если ты так обо мне заботишься, почему ты просто стоял рядом, а не поделился со мной своей едой и одеждой?

Почему не дал мне своих денег?

Красивые слова говорить умеют все, а вот на деле помочь готовы немногие.

Он до сих пор помнил свои последние дни. Он умирал, и все знали, что его не спасти. С Хо Янем он тогда не был близко знаком, но тот был готов отдать ему всё самое лучшее. Без любви и ненависти, без нежных взглядов и сладких речей. Некоторые люди просто такие, у них есть свои принципы, своя вера.

— Твои слова заставляют меня сгорать от стыда, — лицо Цзян Муюня стало ещё печальнее. — Но я ведь Цзян, а не Гу. Как я мог вмешиваться в дела семьи Гу?

Стоявший в стороне Цзи Ци свистнул и, с нескрываемым удовольствием наблюдая за сценой, посмотрел на Хо Яня.

— А ваше сокровище, оказывается, пользуется большим спросом.

Похоже, кое-кому наставили рога, ха-ха-ха!

Цзян Муюнь был очень чувствителен в делах сердечных. Одного слова, одного взгляда ему хватило, чтобы понять ситуацию. Он посмотрел на Хо Яня, а затем на Гу Тина с нескрываемым разочарованием.

— Ты... как ты мог? Даже если ты разочаровался в мире, нельзя же так опускаться. Ты ведь не хотел идти в...

Гу Тин тут же прервал его:

— Куда я иду и с кем я, тебя это касается?

Цзян Муюнь нахмурился ещё сильнее.

В прошлом между ними не было серьёзных размолвок. Даже если Гу Тин передумал и выбрал другого, он не должен был быть таким злым. Что же произошло?

Но Гу Тин не желал больше с ним разговаривать. Один его вид вызывал у него тошноту. К тому же, сегодня ситуация была особенной, не хватало ещё, чтобы он тут всё испортил. Он тут же повернулся к Хо Яню.

— Господин, посмотри, он меня обижает!

Хо Янь вскинул бровь, его взгляд скользнул по лицу Гу Тина и остановился на руке, сжимавшей его собственную.

Мягкая, белая, маленькая, как кусочек тофу, казалось, одно неверное движение — и она рассыплется.

Помолчав мгновение, он неторопливо спросил:

— Знакомый?

Гу Тин бросил на Цзян Муюня ледяной взгляд.

— Просто знаем друг друга, не более.

— А, — протянул Хо Янь, будто ему было всё равно.

Рука Гу Тина, державшая его, сжалась в кулак. Он посмотрел на Хо Яня с угрозой и беззвучно прошептал одними губами: «Ты с ним разберёшься? Не разберёшься — я тебя выдам».

Брови Хо Яня взлетели вверх: «Я тебе помог, а ты мне угрожаешь?»

Пальцам Гу Тина стало больно. Чёрт, как он так накачался, у него рука как камень!

Но проигрывать нельзя. Он высоко вздернул подбородок, его взгляд сверкнул: «Я тебя просил помогать? Ты сам сделал выбор, теперь неси за него ответственность!»

Пока они сверлили друг друга взглядами, Цзи Ци, у которого были свои дела, не мог больше ждать.

— Вы искали меня за большие деньги. В чём дело? — спросил он у Цзян Муюня.

Цзян Муюнь сложил руки в поклоне.

— По правде говоря, у меня возникли трудности, и я хотел бы просить господина Ци о помощи. Я... только что потерял человека, он должен быть ещё здесь, в башне, но я не могу его найти. Не знаете ли вы, как его отыскать? Если господин Ци согласится помочь, цена не имеет значения.

Узкие глаза Цзи Ци сузились ещё больше.

— Кого ты потерял?

— Мальчика, по фамилии Мэн, ах...

Не успел он договорить, как вскрикнул от боли и отлетел в сторону.

Оказалось, пока он говорил, Гу Тин и Хо Янь закончили свои «переговоры», и Хо Янь нанёс удар.

Цзян Муюнь со всей силы ударился о дверь, медленно сполз на пол и долго не мог подняться, сплюнув кровь.

Эта сцена...

Гу Тин смотрел с нескрываемым восторгом. Вот это удовольствие!

Никакая месть не сравнится с этим!

Как он в прошлой жизни не додумался до этого — просто избить этого человека до полусмерти, чтобы он захлебнулся в собственной крови и слезах? Какое упущение!

Цзян Муюнь был умён и умел оценивать ситуацию. Раз он мог лавировать между столькими людьми и не попадаться, значит, он был проницателен. Теперь он знает, что Хо Янь опасен и церемониться не будет, и в будущем вряд ли осмелится к нему приблизиться.

Прокрутив в голове эти мысли, Гу Тин захлопал в ладоши, его глаза сияли.

— Вау, господин, вы такой сильный! Этот удар был великолепен!

Эта похвала не была лестью. Князь-защитник Севера не зря был богом в глазах народа. Одно его движение демонстрировало мощь и грацию, сокрушительную силу и чисто мужскую красоту. Как таким не восхищаться?

Хо Янь неторопливо опустил руку.

— Деревня.

Цзян Муюнь с трудом поднялся на ноги и с недоверием посмотрел на Гу Тина.

— Как ты...

Перед его глазами всё потемнело. Бородатый мужчина заслонил собой Гу Тина.

— Держись подальше от моего человека.

Глаза Хо Яня были черны, как небо перед грозой, опасны и спокойны.

— В следующий раз одним ударом не отделаешься.

Цзян Муюнь был в замешательстве.

Гу Тин был в ещё большем замешательстве.

За всю свою жизнь, включая и прошлую, с ним никогда такого не было. Всегда, если он чего-то хотел, ему приходилось бороться за это самому. Никто никогда не верил ему на слово, не помогал ему, не вступался за него.

Конечно, этот удар он вытребовал, но этих слов он не просил.

Спина Хо Яня была такой широкой. Стоя перед ним, он заслонял собой весь свет, и казалось, мог защитить от всех опасностей.

Но...

Почему ты мне поверил?

<http://bllate.org/book/15878/1583352>